Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/EOWENJ
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧА В ТВОРЧЕСТВЕ БАРНАУЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

 Т.А. Богумил
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
Дата поступления статьи: 16 января 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 21 февраля 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-182-201

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-28-00496 *«Образ Алтая в сибирском тексте русской культуры»* (*https://rscf.ru/project/23-28-00496/*)

Аннотация: Поэт-имажинист В.Г. Шершеневич скончался и похоронен в 1942 г. в г. Барнауле. Факт смерти и погребения столичного автора в провинциальном городке стал знаковым явлением для региональной самоидентификации, инициировал отдельную тематическую линию в местной краеведческой и художественной литературе. В работе впервые дана характеристика образа В.Г. Шершеневича, который сложился в творчестве писателей Барнаула. Анализ поэтических и прозаических текстов показал, как воссоздание последних дней жизни поэта вписывает его в городской ландшафт, как могила становится семантически продуктивным элементом локуса. Базовые мотивы, моделирующие образ писателя, связаны со сменой полюсов оппозиций «центр – периферия», «слава – забвение», «свой – чужой (иностранный)», «гений – посредственность», «дружба – вражда» с С.А. Есениным. Литературный портрет В.Г. Шершеневича создается путем синтеза особенностей его поэтики, эстетических установок, событий жизни и реалий города. Алтайские писатели склонны проецировать связанные с имажинистом литературно-исторические факты на свое творчество и судьбу. Намечена тенденция к превращению поэта в genius loci.

Ключевые слова: алтайский текст, сибирский текст, коммеморативные практики, имажинизм, В.Г. Шершеневич, С.А. Есенин.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Богумил — кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, д. 55, 656031 г. Барнаул, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5166-9132

E-mail: tbogumil@mail.ru

Для цитирования: *Богумил Т.А.* Литературный портрет В.Г. Шершеневича в творчестве барнаульских писателей // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 182–201. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-182-201

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

LITERARY PORTRAIT OF V.G. SHERSHENEVICH IN THE WORKS OF BARNAUL WRITERS

© 2023. Tatiana A. Bogumil
Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia
Received: January 16, 2023
Approved after reviewing: February 21, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Acknowledgments: This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00496 “The Image of Altai in the Siberian Text of Russian Culture” (https://rscf.ru/project/23-28-00496/).

Abstract: Imaginist poet V.G. Shershenevich died and was buried in 1942 in Barnaul. The fact of the death and burial of the capital’s author in a provincial town has become a landmark event for regional self-identification, and initiated a particular thematic line in local history and fiction. For the first time the article reveals the image of V.G. Shershenevich, which was developed in the work of Barnaul writers. The analysis of poetic and prose texts shows how the reconstruction of the last days of the poet’s life fits him into the urban landscape, how the grave becomes a semantically productive element of the locus. The basic motifs that model the image of the writer are associated with the change of poles of the oppositions “center — periphery,” “glory — oblivion,” “friend — alien (foreign),” “genius – mediocrity,” “friendship — enmity” with S.A. Yesenin. Literary portrait of Shershenevich comes from the synthesis of the features of his poetics, aesthetic attitudes, life events and the realities of the city. Altai writers tend to project literary and historical facts related to the imagist onto their own work and destiny. There is a tendency to turn the poet into a genius loci.

Keywords: Altaic text, Siberian text, commemorative practices, imagism, V.G. Shershenevich, S.A. Yesenin.

Information about the author: Tatiana A. Bogumil, PhD in Philology, Associate Professor, Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya St., 55, 656031 Barnaul, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5166-9132

E-mail: tbogumil@mail.ru

For citation: Bogumil, T.A. “Literary Portrait of V.G. Shershenevich in the Works of Barnaul Writers.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 182–201. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-182-201

Любой локальный сверхтекст включает в себя плеяду «культурных героев» — исторических лиц, жизнь и деятельность которых связана с географическим пространством. Имя человека оборачивается топонимом, метонимически презентует место[1]. Знаковыми фигурами Сибири являются Ермак, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Ф.М. Достоевский, А.В. Колчак и др. На Алтае этот перечень дополняют, как минимум, выдающийся изобретатель И.И. Ползунов, горный инженер, гидротехник К.Д. Фролов, врач, естествоиспытатель, географ Ф.В. Геблер, художник Г.И. Чорос-Гуркин [17] и др.

Самый прославленный писатель с Алтая, конечно, В.М. Шукшин. Изучение его творчества сформировало региональную научную школу, интерес к его биографии создал объемную мемуаристику и многочисленные жизнеописания (см.: [21]). В художественной литературе сложился коммеморативный портрет писателя [5]. Конечно, далеко не все важные для Алтая люди достигают такой высокой степени литературной рефлексии. В процесс художественного осмысления региональной самоидентичности практически не вовлечен, например, В.Я. Шишков, хотя его становление как прозаика связано во многом с Алтаем: он написал о крае очерки, рассказы, повесть. Напротив, В.Г. Шершеневич, попавший в Барнаул незадолго до смерти и никак не отразивший реалии места в своем творчестве, довольно часто оказывается темой краеведческого и художественного высказывания[2].

Гипотетически включение образа известного писателя в локальный сверхтекст определяется не только и не столько его вкладом в литератур-

1 См.: [6, с. 4; 13; 15, с. 315].

2 Несомненным свидетельством того, что В.Г. Шершеневич стал значимой персоной для городского текста, является публикация статьи о нем в энциклопедии «Барнаул» [25].

ное освоение какой-либо местности, сколько связью с этим пространством решающих фактов его биографии: рождения (Шукшин) и смерти (Шершеневич). Вектор судеб данных авторов противоположен. В случае с алтайским прозаиком прослеживаются контуры «ломоносовского мифа» [11]. Контрастный путь от периферии (малой родины) к центру воплощает успешную жизненную стратегию: «В этом месте родился Шукшин, — / Его прахом владеет столица» (Г. Горышин) [22, с. 115]. У Шершеневича логика обратная: всю сознательную жизнь провел в столице, а умер и погребен в провинциальном алтайском городе[3].

Образы прославленных людей в местной художественной литературе создаются с акцентом на краеведческой ценности: в региональной шукшиниане подчеркивается связь писателя с родиной, востребована тема литературной преемственности на основании землячества; в барнаульских текстах о Шершеневиче в основном задействованы мортальные и коммеморативные мотивы.

Биография и творчество В.Г. Шершеневича давно и плодотворно освещаются в работах В.А. Дроздкова, обобщенных в фундаментальной монографии [7]. За последние десятилетия вышли диссертации об имажинисте в России [2; 4; 8; 14] и за рубежом [18]. Перечень публикаций о литературе и жизни поэта довольно весом [20]. Однако литературный портрет поэта до настоящего момента не становился предметом изучения литературоведов.

Цель настоящей работы состоит в характеристике художественного образа В.Г. Шершеневича, который сложился в географически ограниченном пространстве — в творчестве писателей Алтая.

Материалом исследования послужили тексты барнаульских поэтов и прозаиков, в которых создается литературный портрет В.Г. Шершеневича. В большинстве произведений осмыслению подвергается именно алтайский период жизни имажиниста. Тем самым Шершеневич вписывается в городской ландшафт, а его могила становится культурно значимым элементом локуса.

Большим подспорьем для данного исследования стал раздел «В.Г. Шершеневич в художественной литературе» материалов к библиографии [20, с. 259–273], в котором даны сведения о поэтических, прозаических

3 Из Автобиографии В.Г. Шершеневича от 15.02.1942: «Начиная с 1906 года жил безвыездно в Москве (жительство в Барнауле — мой первый отъезд из Москвы)» [33, с. 9].

и драматургических текстах о писателе. В результате проведенного поиска были обнаружены дополнительные источники, опубликованные в Барнауле и не включенные в справочник из-за малодоступности или выхода в свет после 2018 г., которым ограничивается данное издание.

Вадим Шершеневич вместе с женой, актрисой Московского театра оперетты Марией Волковой, был эвакуирован в Барнаул в октябре 1941 г. Всю зиму 1941–1942 гг. поэт с нетерпением ожидал приезда Московского камерного театра во главе с А. Таировым. Несмотря на недомогание, писатель много выступал с просветительскими лекциями, читал стихи в госпиталях, на заводах и открытых литературных вечерах в Барнауле, Бийске, Алейске [12, с. 38]. На своем дне рождения 6 февраля 1942 г. Шершеневич сказал: «Я в этом году должен умереть, так как мне исполнилось сорок девять лет» (цит. по: [7, с. 518]). Убежденность в роковой предопределенности жизненного срока была связана с тем, что его отец скончался за несколько месяцев до 50, мать умерла в 50 лет [7, с. 518]. В стихотворении «Расход тоски», написанном в 1922 г., когда Шершеневич впервые болел туберкулезом, был предсказан финал: «И встретить смерть под 50, / Когда вся жизнь, как хата с краю»[4] [39, с. 204]. 18 мая 1942 г. Вадим Габриэлевич Шершеневич скончался от милиарного туберкулеза[5].

«Последнего имажиниста»[6] похоронили, по словам мемуаристов, в «глухом» Барнауле [27, с. 140], «у черта на куличках» [28, с. 402]. На могиле была выложена из кирпича плита, которую залили цементом. В раствор вдавили деревянные буквы со строками стихотворения Ш. Бодлера «Безраздельно» в переводе Шершеневича:

О тайна преобразованья!
Все чувства, как одно, звучат!
Есть музыка в ее дыханьи,
А в голосе есть аромат! [33, с. 83].

4 Впервые подмечено А. Казаковцевым [33, с. 7].
5 Медицинские подробности смерти поэта обстоятельно изложены в: [6, с. 518].
6 Так назвал себя поэт в заключительной строке поэмы «Песня Песней» (1919) [39, с. 297].

В мае 1960 г. М.М. Волкова при финансовой поддержке Литфонда заменила плиту надгробием из лабрадорита (черный с синими блестками камень) с выбитой на нем росписью поэта. Воспоминания об этом событии оставил краевед М.И. Юдалевич. Попытки издать мемуары Шершеневича, переданные на время вдовой алтайскому писателю, были пресечены крайкомом партии [41, с. 2].

Первое стихотворение на Алтае, касающееся В.Г. Шершеневича, было написано Г.П. Пановым и называлось «Вокруг Есенина» (впервые опубликовано в 1977 г. в книге лирики «Отрада»):

Черный человек!
Ты прескверный гость...
С.А. Есенин

Гнались, как стая на Парнас,
за ним жабо, манишки, фраки,
хотя не стоили подчас
хвоста качаловской собаки.

Пророки будущих голгоф
(А ты — дурак, Иван-царевич!),
копил вранье Мариенгоф,
жужжал над ухом Шершеневич.

Лицом к лицу — не разобрать:
кто — друг,
кто — враг,
кто — просто денди,
а их была большая рать,
желавших прозвенеть в легенде...

Дымит над Черной речкой снег,
бьет молния в горах навылет.
Найдется черный человек —
и петлю для тебя
намылит!.. [34, с. 75]

Панов транслировал устоявшиеся на тот момент историко-литературные стереотипы о роли имажинистов в жизни и, главное, трагической гибели С.А. Есенина. Для сравнения приведем фрагмент некролога, опубликованного 30 декабря 1926 г. в «Красной газете»: «Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извергам, он был объявлен вождем школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, всплыли литературные шантажисты, которые не брезговали ничем и которые науськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым, в связи с именем Есенина, упоминались и их ничтожные имена. Не щадя своих репутаций, ради лишнего часа, они не пощадили его жизни» [26, с. 458]. Такая концепция, пусть и в смягченном виде, на долгие годы определила место и оценку имажинистов в советской истории литературы.

Пановым использованы общие для большинства произведений о Шершеневиче смыслообразующие приемы: раскрытие инсективной семантики фамилии («жужжал»), опора на биографический сюжет дружбы-вражды с Есениным, тема подлинной / ложной гениальности и славы. На одном полюсе находятся трагически погибшие Есенин, Пушкин, Лермонтов (упоминание петли, Черной речки, навылет бьющей в горах молнии, т. е. выстрела, — все это аллюзии к обстоятельствам смерти поэтов), а на другом — Мариенгоф с Шершеневичем, Дантес и Мартынов, т. е. те, кто привел к несчастливой развязке. Упоминание в эпиграфе и финале «черного человека» отсылает к литературному претексту сюжета о гении и завистнике — «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

Как альтернативу негативной критико-литературоведческой инерции в создании образа главы имажинизма можно расценить первое стихотворение В.Н. Токмакова из диптиха «Кафе “Стойло Пегаса”. Год 1922» (опубликовано в 1995 г. в авторском сборнике «Аромат девушки за каменной стеной»). В данном тексте реализованы не менее стереотипные представления о жизни советской богемы в эпоху НЭПа. Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Маяковский изображены вне дружественных и враждебных отношений между собой, вне сюжета о гении и посредственности / толпе. Поэты упомянуты как известные и притягательные для публики посетители популярного кафе имажинистов:

В «Стойле Пегаса» народ — не пробиться.
Странный бывает, сомнительный люд:
шлюхи, ворье, из провинции лица
(очень подробно котлеты жуют). <...>

В. Шершеневич читал свои вирши,
(будто кому-то стихи здесь нужны),
нэпман с моноклем, бутылку открывши,
выдал: «Названья весьма недурны...» <...> [35, с. 16].

Таким образом, в стихотворениях Панова и Токмакова Шершеневич вписан в пространство Москвы 1920-х гг. — период расцвета ордена имажинистов. Изображения поэтов во многом мифологизированы в соответствии с изначальной историко-литературной установкой авторов произведений. Шершеневич лишен какой-либо привязки к Алтаю, помимо того обстоятельства, что о нем пишут алтайские литераторы.

Повторное «открытие» могилы В.Г. Шершеневича приписывается поэту Станиславу Яненко. В конце 1970-х гг., бродя по кладбищу, он наткнулся на могильный камень (согласно другой версии, он еще в детстве обнаружил первое надгробие) [24, с. 98]). Яненко стал рассказывать о своей находке барнаульской культурной общественности, инициировав всплеск интереса к личности и творчеству некогда знаменитого поэта Серебряного века. В 1990 г. алтайский поэт скончался. Его друг Борис Капустин написал диптих «Два посвящения Станиславу Яненко», во втором стихотворении которого речь идет о месте захоронения имажиниста:

...На Литераторских мостках
вдруг сердце защемило,
Я вспомнил, как дружок мой Стас,
открыл одну могилу. <...>
И вот, когда стал Богом Блок,
его внимание привлек
гранита черного кусок,
И, вроде, непростая,
бегущая наискосок

фамилья золотая. <...>
И мы отправились ночной
порою в темь глухую —
свезти сирень хмельную.
Кому? Неведомо пока.
Почившему Поэту. <...>
Кто? Шершеневич! Тот ли? Тот —
Вадим. И нет спасенья:
вторым пожарищем встает —
да как! — Сергей Есенин,
чей друг (а друг ли? важно — с ним!)
избрал пристанищем своим
сибирское кладбище. <...>
...О, как
судьба распорядилась! —
а этот? — друг ли, брат ли, враг —
какое сердце билось.

Ужель, отринут забытьем,
он стал — судьбой, страданьем —
лишь о наперснике своем
служить напоминаньем? <...> [23, с. 42–43]

В жанровом отношении это стихотворение можно отнести к элегической эпитафии, посвященной писателю. Воспроизводятся устойчивые в случае с В. Шершеневичем мотивы: дружба-вражда поэта с С. Есениным, оппозиция славы и забвения, контраст «столица – провинция» (некрополь «Литераторские мостки» в Санкт-Петербурге, где похоронен в том числе А. Блок, упомянутый в стихотворении, и Старое Булыгинское кладбище в Барнауле). Судьба Шершеневича воспринята сочувственно и проецируется на собственную: «...головокруженье / от мглы забвенья ледяной, / забрезжившей впервые» [23, с. 43]. Здесь срабатывает «память жанра», в частности устойчивая стилистическая формула эпитафии — обращение к «прохожему» с напоминанием об общей для всех людей смертной участи [9, с. 50]. Мотив «преодоления “загробного молчания” Словом» [10, с. 34],

характерный для жанра, присутствует в стихотворении подспудно. Благодаря тому, что есть вещественный знак памяти — могильный камень, остается вероятность возрождения из небытия: кто-то увидит, узнает, напишет. Действительно, так и случилось. Именно могила является отправной точкой не только для данного эпитафического стихотворения, но и для прозаических текстов, где смертельно больной писатель, эвакуированный в Барнаул, становится знаковой фигурой городского пространства.

С 1980 г. А. Казаковцев, барнаульский учитель физики, художник, начал собирать информацию о почти забытом к тому времени имажинисте. Перипетии этого непростого пути изложены в заметке «Три жизни в одной» [33, с. 3–8]. Итогом работы энтузиаста стала биографическая повесть «В пылающем небоскребе», впервые опубликованная в журнале «Алтай» (1989, № 3). В повести задается парадигма описания последних месяцев жизни Шершеневича в Барнауле, востребованная в дальнейших текстах о поэте.

Появление имажиниста на страницах повести предваряет описание его могилы и запах смолистых досок, который напоминает герою похороны отца. Тем самым в экспозиции завязывается мортальный сюжет, просматривается финал повести и жизни поэта. С опорой на письма Шершеневича и мемуарные свидетельства создается психологически достоверный портрет сломленного жизнью человека: «Сутулясь, втянув голову в плечи, одетый в длинное черное пальто, вышагивал поэт вдоль окон. <...> А он ходил с заложенными за спину руками, как связанный <...>. Многим думалось, что поэт и должен быть таким: сосредоточенным, ушедшим вглубь себя. Лишь немногие помнили его другим: веселым, неунывающим, острым на язык...» [33, с. 48–49].

Символично первое действие героя: «...смотрел через оттаянный им глазок в стекле на укутанный туманом парк» [33, с. 48]. Речь идет не только о затрудненности прогулок для недомогающего поэта, но и о его невольной отстраненности от текущих социальных потрясений и непосредственного участия в войне, о вынужденной изоляции от литературного процесса: «...он ушел с головой в мир Корнеля, Бодлера, отгородился от всех и вся. Сейчас, в тяжелую для Родины пору, и рад бы вернуться к людям, но слишком высокий забор сколотил он вокруг себя» [33, с. 50]. Про него сегодняшнего, как прозрачно проводит аналогию Казаковцев, — строки Есенина

из стихотворения «Русь Советская»: «В своей стране я словно иностранец» [33, с. 67]. Собственно, название повести Казаковцева акцентирует мотив невмешательства творца в злободневную современность, поскольку цитирует часть высказывания имажиниста из статьи «Великолепная ошибка» (1923): «Поэт — это тот безумец, который сидит в пылающем небоскребе и спокойно чинит цветные карандаши, чтобы зарисовать пожар. Помогая тушить пожар, он становится гражданином и перестает быть поэтом»[7] [40, с. 381]. Полноценным участником событий Шершеневич не может и не хочет быть, остается наблюдать.

Опираясь на название мемуаров поэта — «Великолепный очевидец» и разрабатываемую имажинистом технику «каталога образов» [16, с. 65–74; 19], автор встраивает в повесть серию картинок-впечатлений героя о горожанах, более того, сталкивает поэта с местным хулиганом, угрожающим: «...ты будешь не очевидцем <...>. Вставлю перо в бочину, и будешь ты потерпевшим. <...> По-кой-ным» [33, с. 73]. Внутренний предсмертный монолог, приписанный поэту, включает в себя неутешительный вывод: «...не великолепным очевидцем я оказался, а банальным потерпевшим» [33, с. 78].

В Барнауле Шершеневич вел просветительскую работу, что было отражено в некрологе на смерть поэта: «...он выступал почти ежедневно в самых разнообразных аудиториях с чтением своих стихов, посвященных Великой Отечественной войне, вел беседы о литературе» [29]. Закономерно, что Казаковцев включает в свою повесть развернутый эпизод о выступлении перед рабочими железнодорожного депо. Лекция получилась неудачной, «казенные, бесцветные» фразы не трогали души слушателей, так же, впрочем, как и стихи чужестранца Бодлера. Перелом наступил, когда один парнишка спросил, правда ли, что лектор был другом Есенина. Шершеневич прочитал стихи Есенина, которые вызвали яркие эмоции и заслужили аплодисменты благодарных слушателей.

Действительно, согласно воспоминаниям критика и драматурга Н.Д. Оттена, который жил в тот период в Барнауле и трудился совместно с поэтом, «[п]очти не было вечера, на котором Вадиму не было задано вопросов о Есенине и он отвечал, отвечал подробно, обстоятельно, удивительно

7 Автоцитата из книги «Автомобиля поступь» (1915), стихотворение «Сергею Третьякову» («Что должно было быть...»): «Но я знал безотчетного безумца, который в пылавшем небоскребе / Спокойно оттачивал свой цветной карандаш» [39, с. 125].

серьезно и в этих ответах я узнал много для себя о Есенине нового. <...> Шершеневич относился к Есенину с огромным уважением, как к великому поэту, именно великому, что он не уставал подчеркивать, и горькой, щемящей жалостью к Есенину-человеку...» (цит. по: [12, с. 8–9]). Вопреки воспоминаниям мемуариста, Казаковцев проблематизирует отношения бывших соратников: «Был ли он ему другом? Всю жизнь Шершеневич считал, что да. Но в последние годы понял, что дружбы как таковой не было» [33, с. 66]. Мотив дружбы / вражды писателей сопрягается с мотивами посмертной славы и прижизненного забвения: «Вот он жив, а Есенина уже давно нет, но его, Шершеневича, стихов никто не знает, а есенинские все еще будоражат людей, пробиваются к читателям, несмотря ни на запреты, ни на замалчивания» [33, с. 70]. Размышления об отношениях соратников приписаны герою и лишены обвинительной окраски, что, несомненно, отличается от реализации данных мотивов в инвективе Г. Панова и совпадает с элегической эпитафией Б. Капустина.

В ощущениях столичного жителя Барнаул представлен весьма нелицеприятно: «Этот городишко нельзя назвать даже провинциальным. Глухомань — ему имя <...>. И на этом фоне — Камерный театр. Как бриллиантовая брошь на рубище. Нонсенс! И Таиров мечтает всколыхнуть это болото» [33, с. 61], — такие мысли якобы посещают Шершеневича. Оппозиция «центр – периферия» является базовой для любого регионального текста, опорной для самоидентификации и самореализации творческой личности. Обозначенные рамки в значительной мере определяют градацию социальной успешности человека. В повести, по сути, физическое перемещение из столицы в «глухомань» является семантическим эквивалентом ранее состоявшегося вытеснения известного поэта на обочину литературного процесса, аналогом ухода в небытие.

Следующим опытом художественно-документального освоения заключительных месяцев жизни имажиниста в Барнауле стала повесть И.Ю. Образцова с весьма симптоматичным названием: «Могила тревожного сердца» (первая редакция — [30; 31], вторая — [32]). Образцов выносит самый главный для барнаульцев факт на ударную заглавную позицию (ср. у Казаковцева: повесть закольцовывается композиционной рамкой — описанием могилы). При выборе темы автором двигал личный интерес: Шершеневич бывал в доме родственников прозаика по отцовской линии, выведен-

ных в повести под реальной фамилией — Образцовы. Текст перемежается автобиографическими вставками о поиске информации про Шершеневича.

Зарисовки психологического состояния больного и умирающего поэта вторят тексту Казаковцева: преобладают мотивы разочарованности, ненужности, иностранности, грустного шутовства; внутренняя речь Шершеневича воображается с опорой на его стихотворения, переводы и письма. Впрочем, автор позволяет себе дофантазировать мысли Шершеневича, отталкиваясь от местных реалий. Так, опечатка в справке из ЗАГСа о месте проживания поэта (Ш*и*ршеневич), выданная автору, провоцирует его приписать своему герою мучительные раздумья о причине такого рода ошибок: «На каждом углу висели плакаты, которые призывали к бдительности, и объясняли, что иностранные шпионы, враги государства и прочие вредители могут быть везде, но особенно активно прячутся в тылу. <…> …На этом фоне “Шершеневич Вадим Габриэлевич” звучало, как настоящий компромат, как верный признак того самого “иностранного шпиона” и “вредителя”» [32, с. 381]. Автор мимикрирует под описываемого поэта, создает стихотворение в его стиле и вкладывает строки в сознание героя: «В голове часто крутились строчки какого-то, то ли столичного, то ли невольно сочиненного самим Вадимом романса <…>. Позже, совершенно случайно, Вадим узнал, что в Барнауле есть и Мало-Тобольская улица, и Крестьянский проезд, и списал навязчивую мелодию романса на собственный счет.

Ты на Малотобольской, а может в проезде Крестьянском,
С пролетарием вьешься, ругая суму и тюрьму.
Эта ночь повторяется, дикая и полупьяная,
И уносит тебя, без креста, в необшитом гробу…» [32, с. 380].

Здесь суммируются мотивы, которые, по Образцову, определяют жизнь Шершеневича в Барнауле: дурная круговерть провинциального города, вынужденность общения с пролетарием, беда и смерть.

В повестях Казаковцева и Образцова преобладает документальное начало, вымысел использован для оживления сухих фактов, создания психологического портрета и местного колорита. Напротив, в романе В.Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» (2014) реальные события придают достоверность сугубо художественному повествованию.

Обращение Токмакова к личности и творчеству Шершеневича имеет свою историю. Первый стихотворный опыт, приведенный выше, был связан с авангардными умонастроениями начинающего алтайского поэта, поиском литературных ориентиров. Образ Шершеневича в тексте едва намечен, имажинист упомянут скорее как статист, лишен индивидуальности. Одновременно Токмаков-журналист собрал информацию о забытом имажинисте и опубликовал заметки в честь 100-летия поэта [36; 38]. Позднее Токмаков-прозаик ввел Шершеневича в свой текст как историческое лицо, важное для Барнаула и обязательное к упоминанию в «неформальном путеводителе» по городу (так обозначен жанр произведения). Автор немного подтасовал реальные факты, добиваясь необходимого ему художественного эффекта. В романе имажинист пересекается с телепатом, гипнотизером, экстрасенсом Вольфом Мессингом. В реальности же они «разошлись» по времени пребывания в Барнауле. Гастроли Мессинга состоялись в июле 1942 г.[8] К этому времени Шершеневич уже скончался (18 мая 1942 г.). Творческой волей Токмаков перенес начало гастролей на февраль 1942 г. Сеанс публичного гипноза проходил в Народном доме (сейчас — филармония), где показывали спектакли актеры московского камерного театра Таирова, якобы с октября 1941 г. На самом деле театр был эвакуирован в Барнаул в апреле 1942 г., тогда как с октября 1941 г. в городе жил Шершеневич. Тем самым автор создал пространственно-временные условия для встречи «мага», имажиниста и актрисы Алисы Коонен.

Литературный портрет Шершеневича нарисован с опорой на его амплуа гаера и остряка: «язвительно улыбался», «сделав комичное лицо, расспрашивал, где он (Мессинг. — *Т.Б.*) прячет “передатчик”, с помощью которого помощники <…> диктуют ему ответы» [37, с. 43]. Кроме того, использованы статьи Шершеневича: Мессинг вспоминает концепцию имажинизма-арлекинады. Задействованы мемуары: в отзыв актрисы о поэте вкладывается слегка измененная фраза А. Мариенгофа из «Романа без вранья». Сравним: «…все делает профессионально: стихи, театр, фельетоны; профессионально играет в теннис, в покер, влюбляется, острит, управляет канцелярией и — говорит (но ка-а-ак говорит!)» [28, с. 43]; «…все делает профессионально: стихи, фельетоны, переводы, влюбляется, острит, ненавидит, работает, выступает перед местной публикой» [37, с. 42]. Воспоминания Мариенгофа подсказали и

8 URL: http://philharmonia-barnaul.com/kontsertno-estradnoe-byuro-iyul-1942-goda/ (дата обращения: 09.01.2023).

прием для описания внешности Шершеневича: «Шершеневич был похож на свой портрет, высеченный из камня» [28, с. 403]. У Токмакова поэт «закурил трубку» [37, с. 42]. Одна из самых распространенных в интернете фотографий имажиниста — именно с трубкой во рту (рис. 1).

Рис. 1. Фотопортрет В.Г. Шершеневича
Ill. 1. Photo portrait of V.G. Shershenevich

В литературном портрете реализованы неизменно связанные с имажинистом мотивы: (1) отстраненного наблюдателя: «...стал с любопытством разглядывать в специальный глазок, сделанный в занавесе, собирающуюся в зале публику» [37, с. 42]; (2) резкого поворота судьбы от столичной известности к затерянности в глухомани: «...друг Есенина и Мариенгофа, писавший об огромных, индустриальных городах будущего, с небоскребами, авто и дирижаблями, веривший в свое великое литературное предназначение, тихо и незаметно умер в ничем не примечательном, далеком провинциальном городе» [37, с. 48].

Появление Шершеневича на страницах книги оправдано не только краеведческой достоверностью, но и художественной необходимостью. Важно, что судьба любой исторической личности подтверждена документально. Тем большее впечатление производит сбывшееся предсказание Мессинга: «Не потеряйте, Алиса, его этой весной...» [37, с. 42]. Семантически продуктивной оказывается связь фамилии поэта с имажинизмом, причем не только с точки зрения историко-литературной (основатель

объединения), но и лингвистически-игровой: «имаго» это взрослая особь насекомых (ср. шершень). Имажинист появляется перед выступлением, на котором произошло роковое превращение гипнотизера: «…что-то произошло в нем, какое-то невероятное превращение гусеницы в бабочку <…>. Ибо был великим мистификатором и авантюристом, а стал почти духовным провидцем» [37, с. 48]. Шершеневич ассоциируется у Мессинга с арлекинадой. Образ шута, дурака в культуре входит в карнавальную пару, на противоположном полюсе которой — царь и бог [3, с. 311]. Собственно, микросюжет об экстрасенсе и писателе демонстрирует оборачиваемость бинарной оппозиции, где последние становятся первыми, и наоборот. В контексте барнаульского мифа данная логика реализуется в сюжете превращения «безвестного, забытого Богом провинциального городка» [37, с. 45] в центр мироздания — «место последней битвы» [37, с. 46]. Тем самым в мифопоэтике романа устанавливается таинственная связь человека и места: упокоенный в Барнауле поэт преобразуется в своего рода genius loci (в трактовке Н.П. Анциферова [1]).

В.Г. Шершеневич был мастером парадокса. Свои мемуары он предварил установкой на автобиографичность лирики: «…жизнь поэта не может быть оторвана от его творчества (и наоборот)» [39, с. 323]. Одновременно, согласно воспоминаниям Н.Д. Оттена, он настаивал на различении творческого и биографического начала в писателе: «…“я поэт” не имеет ничего общего с “я человек”. Сходство лишь в одном. Умрет и тот и другой!» (цит. по: [12, с. 6]). Факт смерти и захоронения любого столичного автора в провинциальном городке становится знаковым явлением для локальной самоидентификации. В произведениях местных писателей о Шершеневиче мортальный сюжет позволил объединить «поэта» и «человека», в том числе спроецировать связанные с ним литературно-исторические прецеденты на свое творчество и судьбу. Литературный портрет имажиниста создается путем синтеза особенностей его поэтики, эстетических установок, событий жизни и реалий городского ландшафта.

Список литературы

Исследования

1 *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петер-

бурга. М.: Книга, 1991. 540 с. (Репринтное воспроизведение изд. 1922–1924 гг.).
2 *Бандурина Н.С.* Поэтика образа в литературном творчестве В.Г. Шершеневича: дис. … канд. филол. наук. Шуя, 2012. 165 с.
3 *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
4 *Богумил Т.А.* В.Г. Шершеневич: феномен авторской субъективности: дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 155 с.
5 *Богумил Т.А.* Коммеморативный литературный портрет В.М. Шукшина // Филология и человек. 2022. № 4. С. 127–140. DOI: 10.14258/filichel(2022)4-08
6 *Голубков С.А.* Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2010. 167 с.
7 *Дроздков В.А.* Dum Spiro Spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М.: Водолей, 2014. 799 с.
8 *Иванова Е.А.* Творчество В. Шершеневича: теоретические декларации и поэтическая практика: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2005. 202 с.
9 *Иванюк Б.П.* Эпитафия стихотворная: словарный формат // Филоlogos. 2022. № 2 (53). С. 46–53. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-53-2-46-53
10 *Кихней Л.Г.* Жанровое своеобразие «эпитафической» лирики Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Симферополь: Крымский Архив, 2005. Вып. 3. С. 33–46. URL: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-zhanrovoe-svoeobrazie-epitaficheskoj-liriki.htm (дата обращения: 09.01.2023).
11 *Левашова О.Г.* Биографический текст В.М. Шукшина: модели описания // Традиции творчества В.М. Шукшина в современной культуре. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 197–207.
12 *Маквей Г.* Вадим Шершеневич: биографические материалы и иконография // Современное есениноведение. 2009. № 10. С. 30–56.
13 *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. URL: http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5 (дата обращения: 09.01.2023).
14 *Тернова Т.А.* Феномен маргинальности в литературе авангарда первой трети XX в.: дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2012. 525 с.
15 *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 259–367.
16 *Хуттунен Т.* Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 272 с.
17 *Шастина Т.П., Алексеев П.В.* Гений и место: Г.И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX – начала XXI вв. // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2020. Т. 14. С. 106–109.
18 *Antonangeli L.* Шарик сердца: Поэтика имажинизма в сборнике В.Г. Шершеневича «Лошадь как лошадь»: master's thesis. Helsinki: Helsingfors universitet; University of

Helsinki; Helsingin yliopisto, 2017. 58 с.
19 *Huttunen T.* Montage in Russian Imaginism: Poetry, Theatre and Theory // Sign Systems Studies. 2013. Vol. 41. № 2/3. P. 219–229. DOI: 10.12697/SSS.2013.41.2-3.05. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/264695/Montage_in_Russian_Imaginism_Poetry_thea.pdf?sequence=1 (дата обращения: 09.01.2023).

Источники

20 Вадим Габриэлевич Шершеневич: материалы к библиографии, 1911–2018 / сост. Т.В. Котова, В.А. Дроздков. М.: Кругъ, 2019. 346 с.
21 В.М. Шукшин: биобиблиографический указатель. Барнаул: [Б. и.], 2018. 640 с.
22 Жил такой парень...: сб. воспоминаний и стихотворений о Шукшине / авт.-сост. В.И. Ащеулов. Белокуриха: [Б. и.], 2009. 162 с.
23 *Капустин Б.* Е. Б. Ж.: стихотворения. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1995. 63 с. (Авторский альманах «Август»; 1995, № 2).
24 *Коржов В.М.* Покорители вершин: календарь памяти. Барнаул: Спектр, 2013. 118 с.
25 *Корниенко В.К.* Шершеневич В.Г. // Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 337–338.
26 *Лавренёв Б.А.* Казненный дегенератами // О Есенине: стихи и проза писателей-современников поэта. М.: Правда, 1990. С. 457–459.
27 *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: воспоминания. М.: Сов. писатель, 1991. 528 с.
28 *Мариенгоф А.Б.* Бессмертная трилогия. М.: ВАГРИУС, 1998. 510 с.
29 Некролог и сообщение Алтайского краевого отдела по делам искусств в газете «Алтайская правда» о кончине В.Г. Шершеневича. 19 мая 1942 г. // Культура Алтая в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. док. Барнаул: Азбука, 2011. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/211039-nekrolog-i-soobschenie-altayskogo-kraevogo-otdela-po-delam-iskusstv-v-gazete-altayskaya-pravda-o-konchine-v-g-shershenevicha-19-maya-1942-g#mode/inspect/page/1/zoom/7 (дата обращения: 09.01.2023).
30 *Образцов И.* Могила тревожного сердца: документально-художественная повесть о поэте В.Г. Шершеневиче, часть 1 // Ликбез. 2013. № 23. С. 160–162.
31 *Образцов И.* Могила тревожного сердца: документально-художественная повесть о поэте В.Г. Шершеневиче, часть 2 // Ликбез. 2014. № 24. С. 150–151.
32 *Образцов И.* Могила тревожного сердца: малая повесть // Невский проспект. 2022. № 7. С. 378–383.
33 О, тайна преобразования!: памяти поэта Вадима Шершеневича. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1997. 95 с. (Авторский альманах «Август»; 1996, № 3).
34 *Панов Г.П.* Русский складень: стихотворения и поэмы. Барнаул: [Б. и.], 2004. 176 с.
35 *Токмаков В.Н.* Кафе «Стойло Пегаса». Год 1922: 1. «В “Стойле Пегаса” народ — не пробиться...» // Ликбез. 2010. № 16. С. 17–18.
36 *Токмаков В.Н.* «Посланец»: Сто лет поэту В. Шершеневичу // Молодежь Алтая.

1993. 30 июля. № 31. С. 10.
37 *Токмаков В.Н.* Сбор трюфелей накануне Конца света. Барнаул: Алтай, 2014. 328 с.
38 *Токмаков В.Н.* Три секунды в день для стихов: К 100-летию со дня рождения поэта В. Шершеневича, похороненного в г. Барнауле // Алтайская правда. 1993. 13 июля. С. 3.
39 *Шершеневич В.Г.* Великолепный очевидец. М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. 704 с.
40 *Шершеневич В.Г.* Критические тексты: От футуризма к имажинизму. М.: Водолей, 2022. 480 с.
41 *Юдалевич М., Казаковцев А.* Денди Советского Союза / беседу вел В. Тихонов // Алтайская правда. 1995. 25 марта. С. 1–2.

References

1 Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga* [*The Soul of Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. The Authentic History and Myth of Petersburg*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 540 p. (In Russ.)
2 Bandurina, N.S. *Poetika obraza v literaturnom tvorchestve V.G. Shershenevicha* [*The Poetics of the Image in the Literary Work of V.G. Shershenevich: PhD Dissertation*]. Shuya, 2012. 165 p. (In Russ.)
3 Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [*Questions of Literature and Aesthetics*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
4 Bogumil, T.A. *V.G. Shershenevich: fenomen avtorskoi sub"ektivnosti* [*V.G. Shershenevich: The Phenomenon of Author's Subjectivity: PhD Dissertation*]. Barnaul, 2004. 155 p. (In Russ.)
5 Bogumil, T.A. "Kommemorativnyi literaturnyi portret V.M. Shukshina" ["Commemorative Literary Portrait of V.M. Shukshin"]. *Filologiia i chelovek*, no. 4, 2022, pp. 127–140. DOI: 10.14258/filichel(2022)4-08 (In Russ.)
6 Golubkov, S.A. *Semantika i metafizika goroda: "gorodskoi tekst" v russkoi literature XX veka* [*Semantics and Metaphysics of the City: "Urban Text" in Russian Literature of the 20th Century*]. Samara, Samara University Publ., 2010. 167 p. (In Russ.)
7 Drozdkov, V.A. *Dum Spiro Spero. O Vadime Shershenevиche i ne tol'ko* [*Dum Spiro Spero. About Vadim Shershenevich and not Only*]. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 799 p. (In Russ.)
8 Ivanova, E.A. *Tvorchestvo V. Shershenevicha: teoreticheskie deklaratsii i poeticheskaia praktika* [*Creativity of V. Shershenevich: Theoretical Declarations and Poetic Practice: PhD Dissertation*]. Saratov, 2005. 202 p. (In Russ.)
9 Ivaniuk, B.P. "Epitafiia stikhotvornaia: slovarnyi format" ["Verse Epitaph: Dictionary Format"]. *Filologos*, no. 2 (53), 2022, pp. 46–53. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-53-2-46-53 (In Russ.)
10 Kikhnei, L.G. "Zhanrovoe svoeobrazie 'epitaficheskoi' liriki Akhmatovoi" ["Genre Originality of Akhmatova's 'Epitaphic' Lyrics"]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba,*

tvorchestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchii sbornik [*Anna Akhmatova: Era, Fate, Creativity. Crimean Akhmatova Scientific Digest*], issue 3. Simferopol, Krymskii Arkhiv Publ., 2005, pp. 33–46. Available at: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-zhanrovoe-svoeobrazie-epitaficheskoj-liriki.htm (Accessed 09 January 2023). (In Russ.)

11 Levashova, O.G. “Biograficheskii tekst V.M. Shukshina: modeli opisaniia” [“Biographical Text of V.M. Shukshin: Description Models”]. *Traditsii tvorchestva V.M. Shukshina v sovremennoi kul’ture* [*Traditions of V.M. Shukshin’s Creativity in Modern Culture*]. Barnaul, Altai State University Publ., 2014, pp. 197–207. (In Russ.)

12 Makvei, G. “Vadim Shershenevich: biograficheskie materialy i ikonografiia” [“Vadim Shershenevich: Biographical Materials and Iconography”]. *Sovremennoe eseninovedenie*, no. 10, 2009, pp. 30–56. (In Russ.)

13 Mednis, N.E. *Sverkhteksty v russkoi literature* [*Supertexts in Russian Literature*]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2003. Available at: http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5 (Accessed 09 January 2023). (In Russ.)

14 Ternova, T.A. *Fenomen marginal’nosti v literature avangarda pervoi treti XX v.* [*The Phenomenon of Marginality in the Literature of the Avant-Garde of the First Third of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Voronezh, 2012. 525 p. (In Russ.)

15 Toporov, V.N. “Peterburg i ‘Peterburgskii tekst russkoi literatury’.” [“Petersburg and ‘Petersburg Text in Russian Literature’.”]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [*Myth. Ritual. Symbol. Image. Research on Mythopoetics*]. Moscow, Progress, Kul’tura Publ., 1995, pp. 259–367. (In Russ.)

16 Khuttunen, T. *Imazhinist Mariengof: Dendi. Montazh. Tsiniki* [*Imagist Mariengof: Dandy. Montage. Cynics*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 272 p. (In Russ.)

17 Shastina, T.P., and P.V. Alekseev. “Genii i mesto: G.I. Choros-Gurkin kak simvol Gornogo Altaia v russkoi literature XX – nachala XXI vv.” [“Genius and Place: G.I. Choros-Gurkin as a Symbol of Gorny Altai in Russian Literature of the 20th – Early 21st Centuries”]. *Nauchnyi vestnik Gorno-Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific Bulletin of the Gorno-Altaisk State University*], vol. 14. Gorno-Altaisk, Gorno-Altaisk State University Publ., 2020, pp. 106–109. (In Russ.)

18 Antonangeli, L. *Sharik serdtsa: Poetika imazhinizma v sbornike V.G. Shershenevicha “Loshad’ kak loshad’”* [*Heart Ball: Poetics of Imagism in the Collection of V.G. Shershenevich “A Horse Like a Horse”: Master’s Thesis*]. Helsinki, Helsingfors universitet Publ., University of Helsinki Publ., Helsingin yliopisto Publ., 2017. 58 p. (In Russ.)

19 Huttunen, Tomi. “Montage in Russian Imaginism: Poetry, Theatre and Theory.” *Sign Systems Studies*, vol. 41, no. 2/3, 2013, pp. 219–229. DOI: 10.12697/SSS.2013.41.2-3.05. Available at: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/264695/Montage_in_Russian_Imaginism_Poetry_thea.pdf?sequence=1 (Accessed 09 January 2023). (In English)